

Елена Валентиновна Максимюк

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки», Омск, Россия
e-mail: Grechko_EV@mail.ru

Сравнительный анализ форм отрицания в прагматическом аспекте (на материале языковых личностей доктора Быкова и доктора Хауса из сериалов «Интерны» и House, M. D.)

Аннотация. Статья освещает результаты сравнительного анализа языковых форм отрицания в прагматическом аспекте двух похожих языковых личностей, работающих в одной сфере деятельности, но воспитанных в разной национально-культурной среде. Анализ был направлен на выявление интегральных и дифференциальных признаков внутри фрагментов национальных картин мира, детерминирующих речевое поведение данных языковых личностей. Сравнительный прагматический анализ диалогических единиц, содержащих отрицания, позволил реконструировать фрагменты образов сознания представителей разных языковых культур, выявить специфические особенности мотивационной и аксиологической системы. Особое внимание было уделено выявлению прагматических целей отрицания, описанию сопровождающего эти формы эмоционального фона говорящего, определению ведущего типа детерминации и активированной оценочной шкалы при выборе тактики отрицания.

Ключевые слова: национальная картина мира, языковая культура, языковая личность, референция, мотивация.

Elena V. Maksimiyuk

Siberian State Automobile and Highway University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Omsk, Russia
e-mail: Grechko_EV@mail.ru

Comparative Analysis of Forms of Denial in the Pragmatic Aspect (Based on the Language Personalities of Dr. Bykov and Dr. House from the TV series “Interns” and “House, M. D.”)

Abstract. The article highlights the results of a comparative analysis of the linguistic forms of negation in the pragmatic aspect of two similar linguistic personalities working in the same field of activity, but brought up in a different national and cultural environment. The analysis was aimed at identifying integral and differential features within fragments of national worldviews that determine the speech behaviour of these linguistic personalities. Comparative pragmasemantic analysis of dialogic units containing negations allowed reconstructing fragments of consciousness images of representatives of different linguistic cultures, identifying specific features of the motivational and axiological system. Particular attention was paid to identifying the pragmatic goals of denial, describing the speaker's emotional background accompanying these forms, determining the leading type of determination and the activated rating scale when choosing the tactics of denial.

Keywords: national worldview, language culture, language personality, reference, motivation.

Введение (Introduction)

В различных коммуникативных ситуациях повседневно общения мы сталкиваемся с разными способами формирования и формулирования мысли, т. е. с разными видами дискурсивного мышления. Речевые единицы в процессе общения образуют сложный семиотический комплекс, функционирующий как поликодовое сообщение, направленное на симультанное воздействие и получение неречевого результата посредством речевой деятельности. Раз-

нообразие моделей высказывания связано с различными прагматическими характеристиками интеракции, которые отражают жанрово-стилистические типы взаимодействия людей. Дискурсивное мышление языковой личности имеет имманентно жанровый характер [1, с. 85].

В процессе освоения действительности в рамках предметной и духовной деятельности индивиды продуцируют и репродуцируют действительность в виде фреймов, опираясь на знаковую опосредованность сознания. Проективная

способность сознания, включающая компоненты настоящего, прошлого опыта и возможные реальности, обуславливает успешность коммуникации. В проективной деятельности сознания участвуют знания, воля, память, воображение, логика и пр. Язык в действии — это текстовая деятельность внутри других видов деятельности. Чаще она имеет творческий, чем репродуктивный характер. Процесс овладения языком носит преимущественно не лингвистический, а познавательный характер. Поведение человека, в том числе речевое, детерминировано знанием и опытом говорящего [2, с. 35].

Литературный обзор (Literature Review)

К концу 70-х гг. XX в. было доказано, что в разговорной речи смысловая организация высказываний гораздо важнее формальной. Изучением превалирования смысла над формой занимался В. Барнет [3], над выделением диалогических единиц на основе смысловой связи работали В. Д. Девкин [4, с. 25] и Г. В. Колшанский [5, с. 93].

С 80-х гг. XX в. стал доминировать прагматический ракурс исследования текста [6; 7; 8; 9; 10]. При таком подходе понятие диалогической единицы усложняется: это уже не просто «стимул-реакция», а совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям прагматической целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через призму мотивации речи [11; 12].

У. Стайлз разработал 8-классную таксономию, основанную на трех принципах: источник опыта, структура референции и фокус [13].

Прагматическую валентность, контекст ситуации, а также социальные и психологические мотивы коммуникантов Н. И. Жинкин исследует, изучая «уровни развертывания текста» [14], а Т. А. ван Дейк и В. Кинч — через понятие «текстовый структуратор» [15]. Исследования языка и речи в прагматическом ракурсе проходили в направлении расширения контекста, включения в него еще большего числа экстралингвистических факторов. Это привело к переходу от моделей структурной лингвистики к моделям контекстуализации языка, к изучению языка в действии, к построению динамической модели языка. В рамках этой модели центральные объекты — автор текста и реципиент, а основная проблематика — порождение и понимание текста и их когнитивные, лингвистические, мотивационно-психологические предпосылки. Подробно исследуются семиотические механизмы преобразования смыслов в значения и наоборот в рамках контекста порождения речи. Неречевой контекст часто описывается посредством механизмов концептуализации, схем, фреймов, планов, семантических сетей и др. [16; 17]. Рецепция детерминируется контекстом общения, социальными ролями, стилем общения, содержанием речи, картиной мира и ценностными шкалами говорящего и адресата.

Прагматический подход к изучению языка и речи позволил раскрыть и описать особенности формирования у языковой личности способности моделировать языковыми средствами реалии в соответствии с целями и особенностями коммуникативной ситуации. С одной стороны, текст

отражает отношение автора к той реальности, которая отражается в конкретном речевом дискурсе. С другой стороны, большую роль играет фактор адресованности. М. М. Бахтин писал: «Существенным (конститутивным) принципом высказывания является его обращенность кому-либо — от этого зависит и композиция, и в особенности стиль высказывания» [18, с. 274]. Фактор адресованности дискурса интересовал и Т. А. ван Дейка, который называл его прагматическим контекстом [15]. Рецептивное восприятие текста детерминировано контекстом ситуации и программой перцептивного восприятия дискурса слушателем.

Контекст речевого события, особенности языковой личности, характер адресата — всё это оказывает влияние на форму и содержание речи. Соотнесенность и соотнесение языковых элементов с неязыковыми объектами и ситуациями называют текстовой референцией, которая стала одной из центральных проблем прагматического исследования дискурса. Текстовая референция в широком понимании термина включает локально-временную актуализацию и референцию имен, входящих в дискурс. Окружающая действительность в рамках речевого дискурса формирует пространственно-временную проекцию, или хронотоп. Прагматический ракурс рассмотрения речевого дискурса предусматривает изучение особенностей управления рецепцией адресата в рамках пространственных и временных координат текста. Создание пространственно-временных рамок позволяет фиксировать внимание слушателя, визуализировать свою точку зрения. Достижение коммуникативной цели, успешная реализация речевой стратегии свидетельствует о прагматической компетенции дискурсивного поведения говорящего.

В последние 10 лет появилось много работ, посвященных исследованию текстовых миров и их специфике организации. Так, Н. Ю. Филистова и М. А. Свистунова предлагают следующую интерпретацию понятия текстового мира: «Текстовые миры — это миры, которые создаются автором или рассказчиком в мире дискурса или в самой авторской речи» [19, с. 18]. Е. А. Огнева интересуется доминантными концептами в рамках теории текстовых миров [20]. Интерес к «текстовому миру» обусловлен тем, что это эквивалент реального мира, только гораздо сложнее и вариативнее, с одной стороны, выстроенный с учетом ожиданий аудитории, с другой — содержащий эффект неожиданности. Удержанию внимания способствуют текстовые когнитивные аттракторы, доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание реципиента или массовой аудитории к содержанию речи или произведения [21, с. 87]. Картина мира и ценностные шкалы реализуются посредством как выбора категоризаторов, так и включения в дискурс оценочных слов и их сочетания с именами объектов. Идентифицирующая функция имеет немаловажное значение в процессе восприятия текста. Формы реализации авторской интенции и способы референции служат воплощению прагматических целей и выступают показателем коммуникативной компетенции языковой личности говорящего субъекта [22, с. 74].

Выбор материала обусловлен популярностью и высоким воздействующим потенциалом сериалов в разновозрастной

и полинациональной целевой аудитории. Средства массовой информации актуализируют перед массовыми реципиентными группами разные ситуации, которые получают положительную или отрицательную оценку или могут приводить к коррекции взглядов на образ жизни и стиль поведения. Обеспечивая интеракцию между социальными группами через информационно-смысловые потоки, средства массовой коммуникации воздействуют на массовое сознание и оказывают ценностно-ориентированное, мировоззренческое влияние на массовую аудиторию [23, с. 237–239]. Средства массовой информации как одна из культурно-социальных практик активно формируют современную языковую картину мира [24].

Медиалингвистика занимается изучением медиадискурса с точки зрения функционально-жанровой классификации, фонологии, синтагматики и стилистики, культурологии, социологии, идеологии и прагматики [25; 26; 27; 28]. Медиадискурс — это функционально-детерминированный тип дискурса, представляющий собой совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия [29, с. 269]. В. И. Карасик рассматривает медийный дискурс как вид институциональной коммуникации, содержащей конститутивные компоненты: участников, хронотоп, цели, ценности, тематику [30]. Медийный дискурс связан с определенными функциями людей, поведенческими стереотипами и даже мифологемами. Медиадискурс также обусловлен прагматическими, социокультурными, психологическими и культурологическими факторами, будучи адресованным конкретной целевой аудитории [31, с. 27].

Анализ медиатекстов представляется актуальным, поскольку медиадискурс стал новым явлением современной культуры, отражающим актуальные аспекты социальной и культурной жизни общества.

Методы (Methods)

В работе исследовались формы отрицания в рамках одной медицинской сферы деятельности в речевом дискурсе двух схожих, но являющихся представителями разных национальных культур языковых личностей. Целью исследования было выявление специфических черт внутри фрагментов национальных картин мира, детерминирующих речевое поведение данных языковых личностей. Для изучения были взяты диалогические единицы, содержащие отрицание. Применение различных методов анализа позволило нам реконструировать фрагменты образов сознания представителей русскоязычной и англоязычной культур, специфику их речевого поведения в аналогичных обстоятельствах, выявить характерные особенности мотивационной и аксиологической систем в рамках этих культур. Особое внимание было уделено выявлению прагматических целей отрицания, поскольку за каждым речевым действием стоит мотив, предопределяющий дальнейшее речевое и неречевое поведение. Анализ проводился с учетом сопровождающей формы отрицания эмоционального фона говорящего, активированной оценочной шкалы и ведущего типа детерминации при выборе тактики отрицания.

Для анализа были выбраны главные герои популярных сериалов — House, M. D. и «Интерны». Популярность свидетельствует о том, что массовая аудитория симпатизирует главным героям, а значит, их многое роднит. Согласие и отрицание — базовые и самые распространенные формы диалогической реакции, но их форма и прагматические особенности будут предопределяться экстралингвистическими факторами, например темой сообщения, характером адресата, его статусом, обстоятельствами общения и др.

В работе использовались методы: сравнительного прагмасемантического, дискурсивного, когнитивного, лингвистического и лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Доктор Хаус и пациенты

Доктор Хаус часто повторяет, что все лгут. Он больше доверяет науке и данным, полученным на основе анализа, чем своим пациентам.

(1) *Dr. House: If we do not talk to them, they can not lie to us, and we can not lie to them. Humanity is over rated* (букв. «Если мы не будем разговаривать с ними, они не смогут солгать нам, а мы не сможем солгать им. Гуманизм слишком переоценивают»).

Основная функция — оправдать свое поведение и осуществить социальное дистанцирование. Данное речевое и неречевое поведение обусловлено внешними и внутренними факторами. Ни своей внешностью, ни манерой общения доктор Хаус не вызывает доверия, при этом является самым эффективным из действующих в этой поликлинике диагностов. Это способ психологической защиты: дистанцирование позволяет создать зону комфорта, несмежную с аксиологическими полями пациентов.

Эмоциональный фон: уверенность в собственной правоте.

Ведущий тип детерминации — пространственный (повтор предлога *to*).

Языковые средства реализации — жанр «отрицание», синтаксический повтор.

Оценочная шкала: успешность коммуникации с прагматической точки зрения. Шкала оценки — биполярная: коммуникация — это неотъемлемая часть жизни общества, но при этом по разным причинам все вынуждены время от времени говорить неправду.

Ведущий канал восприятия: пространственно-временной, оценка результативности действий в перспективе.

Цель — сохранить психоэмоциональное равновесие и получить максимальный результат.

Помимо того что доктор Хаус избегает личного контакта с пациентами, он избегает носить униформу. Жанр «отрицание» используется с целью оправдания.

(2) *Dr. House: I do not want them to think I am a doctor. <...> People do not want a sick doctor* (букв. «Я не хочу, чтобы они думали, что я врач. <...> Люди не хотят, чтобы их лечил больной врач»).

Таким образом Хаус манифестирует утверждение, что доктор делает не внешнее, а внутреннее содержание. Внешние ограниченные возможности люди экстраполируют на внутренний контент, на обвинение общества. Происходит

экстраполяция фреймов: если врач не смог себя уберечь и вылечиться, значит, не стоит ему доверять и свое здоровье.

Основная функция «отрицания» — оправдание, осуществление идентификации, которая соответствовала бы ожиданиям социума.

Языковые средства реализации — жанр «отрицание», синтаксический и лексический повтор (*I do not want, people do not want*). Неведение становится неотъемлемой частью зоны психологического комфорта для пациентов.

Эмоциональный фон: стремление к эмоциональному равновесию вопреки правилам: я поступаю в соответствии с внешними ожиданиями, хотя знаю, что это в то же время не совсем легитимно. Повтор лексемы *doctor* эксплицирует внутреннюю и внешнюю проблему самого доктора Хауса. Присутствие болезни из собственной жизни Хаус никак не может исключить.

Ведущий тип детерминации: психологический. От поведения одного человека может зависеть психологический комфорт целой группы лиц на протяжении неопределенного количества времени.

Оценочная шкала: от психологического состояния пациента частично зависит успешность деятельности врача.

Шкала оценки: незнание — источник комфорта, знание — источник дискомфорта.

Ведущий канал восприятия: визуальный. Здоровый доктор эффективен, нездоровый — неэффективен.

Цель — сохранить психоэмоциональное равновесие и получить максимальный результат.

Часто в речевом дискурсе актуализируется антитеза «больной — здоровый». Для функциональности фрейма больной должен быть больным, а врач — здоровым, чтобы выполнить свои социальные функции, вылечить больного. Доктору Хаусу нравится его диагностическая деятельность, поэтому ему неинтересно работать с симулянтами или очевидными случаями, когда схема лечения заведомо понятна и не требует дополнительных когнитивных и эвристических усилий для экспликации, ср. *That is fair enough — I do not like healthy patients* (букв. «Это правда — я не люблю здоровых пациентов»).

Доктор Быков и пациенты

Быков, наоборот, находится в постоянном контакте с обществом, он вежлив и тактичен, отрицание при этом используется с целью иронии или самоиронии.

(3) *Доктор Быков: Привет, мой любимый пациент, от которого за три месяца не поступило ни одной жалобы. Как он?*

Основная функция — забота.

Эмоциональный фон: беспокойство.

Ведущий тип детерминации — временной (оценка состояния пациента, постоянный мониторинг динамики).

Оценочная шкала: положительная динамика — хорошо, отрицательная — плохо.

Шкала оценки: динамика состояния больного.

Основная функция «отрицания» — ирония, что при отсутствии жалоб у больного не наблюдается положительной динамики.

Языковые средства: обращение (*любимый пациент*), двойное отрицание (*не поступило ни одной*).

Часто в функции отрицания выступают утвердительные конструкции:

(4) *Бабуля, пациентка: Андрей Евгеньевич, можно мне сегодня на похороны?*

Доктор Быков: Рано еще, я скажу, когда можно.

Основная функция «отрицания в форме утверждения»: эвфемистическая — вежливый отказ.

Эмоциональный фон: беспокойство.

Ведущий тип детерминации — временной (оценка состояния пациента, постоянный мониторинг динамики).

Оценочная шкала: выздоровление — хорошо, скоростная смерть — плохо.

Шкала оценки: динамика состояния больного.

Основная функция «отрицания в форме утверждения» — ирония, динамика состояния пациентки противоположна цели ее поездки.

Языковые средства: наречие времени (*рано*), нулевая позиция у «нет», сразу вводится обоснование, чем нивелируется эффект прямого отказа.

В диалогах с интернами языковой портрет Быкова манифестирует теплое и заботливое отношение ко всем без исключения пациентам:

(5) *Доктор Быков: Калачеву из пятой палаты побрейте пах, у него завтра операция, только сделайте это крайне деликатно, для мужчины в его возрасте это — шок.*

Основная функция — забота.

Основное значение всей диалоговой единицы — «не навредите», но высказанное в изъяснительной форме с изложением обстоятельств.

Эмоциональный фон: беспокойство не только о здоровье, но и о психологическом комфорте пациента.

Ведущий тип детерминации — временной (превентивные меры).

Оценочная шкала: психологический комфорт пациента — хорошо, дискомфорт — плохо.

Основная функция «иносказательного отрицания» — не только скорректировать действия интернов в сторону технического подхода к осуществлению действий, но и воспитать деликатный подход к каждому пациенту.

Языковые средства: императив (*сделайте*), адъективный определитель степени действия со значением «очень» (*крайне деликатно*), контекстная антитеза, возраст детерминирует парадигму восприятия (*в его возрасте это — шок*).

(6) *Доктор Быков: Мария Ивановна Андреева, 85 лет, ее будет курировать доктор Лобанов. Осторожно, у нее скачет давление.*

Основная функция — забота.

Основное значение всей диалоговой единицы — «не навредите», высказанное также в изъяснительной форме с учетом возрастных особенностей пациентки.

Эмоциональный фон: беспокойство за корректность действий интернов.

Ведущий тип детерминации — временной (превентивные меры).

Оценочная шкала: индивидуальный подход к пациенту — хорошо; стандартный, без учета особенностей — плохо.

Основная функция «иносказательного отрицания» — скорректировать действия интернов, развить навыки аналитики, раскрыть в них духовную сторону: врач лечит не только тело, но и душу.

Языковые средства: категория состояния в экскламативной форме (*осторожно*), образный тип предикации (*скачет*).

(7) Доктор Быков: *Вам... Вам я решил поручить самого сложного (глядя на друга-венеролога) нашего пациента. Никто не знает точно, чем он болен.*

Основная функция — ирония над больным алкоголизмом другом.

Эмоциональный фон: беспокойство за здоровье друга.

Ведущий тип детерминации — пространственный. Помещение друга в рамках категоризации далеко за пределы пространства нормы (*самый сложный, никто не знает*).

Оценочная шкала: пристрастие к алкоголю оценивается отрицательно, равнодушие к алкоголю — положительно.

Основная функция отрицания — повлиять на друга, пристыдить, показать, до какого состояния он дошел.

Всех пациентов Быков знает и обращается по имени-отчеству, регулярно ведя мониторинг их состояния и действий интернов в отношении них:

(8) Доктор Быков: *Марь Ивановна, как вы себя чувствуете?*

Сокращение имени создает атмосферу дружеской беседы, а сохранение отчества способствует тому, чтобы раз-

говор шел в заданном направлении, но при этом приобрел формат дружеской откровенной беседы.

Заключение (Conclusion)

Основная функция отрицания при общении с пациентами в речевом дискурсе доктора Хауса — это оправдание своих поступков и своего поведения. Эмоциональный фон — уверенность в своих представлениях. Цель данной стратегии речевого поведения — сохранение психоэмоционального равновесия, зоны комфорта. Оправдание собственного равнодушия — это косвенная форма обвинения общества в этом самом равнодушии; Хаус «платит ему той же монетой». Достижение профессионального успеха Хаус видит в дистанцировании от общества.

Для доктора Быкова психоэмоциональное равновесие и комфорт также важны. Однако при общении с пациентами он озабочен в первую очередь их психоэмоциональным состоянием, которое может оказывать влияние на динамику протекания заболевания или выздоровления. Эмоциональный фон — беспокойство за других: реализация успешной профессиональной деятельности Быкову представляется возможной только при осуществлении индивидуального подхода к каждому пациенту с учетом его физического и психоэмоционального комфорта. Отрицание используется в речи для демонстрации правильного фрейма поведения как форма проявления заботы о пациентах.

Библиографический список

1. Максимюк Е. В. Динамика исследований жанрового вектора в современной лингвистической парадигме // Евразийский Союз Ученых. 2014. № VIII. С. 84–86.
2. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. 336 с.
3. Barnet V. Jaký je lingvistický status hovorové rěči? // Československá rusistika. XV. 1970. No. 2. С. 78–82.
4. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. М. : Международные отношения, 1979. 256 с.
5. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 234 с.
6. Fritz G. Kohärenz: Grundfragen der linguistischen Kommunikationsanalyse. Tübingen : Narr, 1982. 374 s.
7. Комина Н. А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984. 195 с.
8. Макаров М. Л. Ролевые установки и понимание в групповом общении // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1990. С. 116–121.
9. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
10. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
11. Святогор И. П. Типы диалогических реплик в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 20 с.
12. Гастева Н. Н. Диалогическое единство в разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990. 20 с.
13. Stiles W. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society. 1981. Vol. 10. P. 227–249. DOI: 10.1017/S0047404500008654
14. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
15. Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 153–212.
16. Шенк Р. Обработка концептуальной информации / пер. с англ. Г. В. Сенина. М. : Энергия, 1980. 360 с.
17. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. М. : Энергия, 1979. 154 с.
18. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
19. Филистова Н. Ю., Свистунова М. А. Текстовые миры в детективном жанре (на материале детективного романа А. Кристи «Murder on the Orient Express») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 1 (32). С. 16–26.

20. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М. : Эдитус, 2019. 190 с.
21. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты : сб. науч. тр. Белгород : Эпицентр, 2018. Вып. VI. С. 87–92.
22. Пешкова Н. П. Проблемы понимания дискурса в психолингвистическом и прагмалингвистическом аспектах // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6 (335), вып. 88. С. 73–77.
23. Конечкая В. П. Социология коммуникации : учеб. М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 435 с.
24. Зиновьева Е. С. Изучение дискурса в рамках медиалингвистики // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 73–80.
25. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 723 с.
26. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академический проект, 2006. 448 с.
27. Пастухов А. Г. Темы и социальные топики в медиадискурсе // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. Белгород : Константа, 2014. С. 93–106.
28. Чернышова Т. В. Фатическая речь как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2004. № 4 (34). С. 46–51.
29. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: (опыт исследования современной английской медиаречи). М. : Эдиториал УРСС, 2005. 288 с.
30. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
31. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М. : Эдиториал УРСС, 2008. 280 с.

References

- Bakhtin M. M. (1979) *Ehstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]**. Moscow, Iskusstvo Publ., 424 p. (in Russian)
- Baranov A. N., Kreidlin G. E. (1992) Illokutivnoe vynuuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary Compulsion in the Structure of the Dialogue]*, *Voprosy yazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, no. 2, pp. 84–99. (in Russian)
- Barnet V. (1970) Jaký je lingvistický status hovorové reči?, *Československá rusistika*. XV, no. 2, pp. 78–82. (in Czech)
- Boguslavskaya V. V. (2008) *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov [Text Modeling: Linguosociocultural Concept. Analysis of Journalistic Texts]**. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 280 p. (in Russian)
- Chernyshova T. V. (2004) Fatcheskaya rech' kak sotsial'nyi simvol kommunikatsii (na materiale tekstov pechatnykh sredstv massovoi informatsii) [Phatic Speech as a Social Symbol of Communication (On the Basis of Printed Media Texts)], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]*, no. 4 (34), pp. 46–51. (in Russian)
- Devkin V. D. (1979) *Nemetskaya razgovornaya rech': sintaksis i leksika [German Colloquial Speec: Syntax and Vocabulary]**. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 256 p. (in Russian)
- Dobrosklonskaya T. G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstov: (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi) [Questions of Studying Media Texts: (Experience in the Study of Modern English Media Speech)]**. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 288 p. (in Russian)
- Filistova N. Yu., Svistunova M. A. (2019) Tekstovye miry v detektivnom zhanre (na materiale detektivnogo romana A. Kristi "Murder on the Orient Express") [Text Worlds in Detective Genre (On the Basis of the Detective Novel by A. Christie "Murder on the Orient Express")], *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki [Actual Problems of Modern Philology and Journalism]**, no. 1 (32), pp. 16–26. (in Russian)
- Fritz G. (1982) *Kohärenz: Grundlagen der linguistischen Kommunikationsanalyse*. Tübingen, Narr Publ., 374 s. (in German)
- Gasteva N. N. (1990) *Dialogicheskoe edinstvo v razgovornoj rechi [Dialogical Unity in Colloquial Speech]**, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Saratov, 20 p. (in Russian)
- Karasik V. I. (2000) O tipakh diskursa [On the Types of Discourse]*, *Karasik V. I., Slyshkin G. G. (eds.) Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]**. Volgograd, Peremena Publ., pp. 5–20. (in Russian)
- Kibrik A. E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija [Essays on General and Applied Questions of Linguistics]**. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 336 p. (in Russian)
- Kirillova N. B. (2006) *Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu [Media Culture: From Modernity to Postmodernity]**. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 448 p. (in Russian)
- Kolshanskii G. V. (1984) *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka [Communicative Function and Structure of Language]**. Moscow, Nauka Publ., 234 p. (in Russian)
- Komina N. A. (1984) *Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt angliiskoi dialogicheskoi rechi [Communicative and Pragmatic Aspect of English Dialogical Speech]**, Cand. philol. sci. diss. Kalinin, 195 p. (in Russian)
- Konetskaya V. P. (1997) *Sotsiologiya kommunikatsii [Sociology of Communication]**. Moscow, Mezhdunarodnyi universitet biznesa i upravleniya Publ., 435 p. (in Russian)

Makarov M. L. (1990) Rolevye ustanovki i ponimanie v gruppovom obshchenii [Role Attitudes and Understanding in Group Communication]*, *Psikholingvicheskie problemy semantiki [Psycholinguistic Problems of Semantics]**, Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 116–121. (in Russian)

Maksimuk E. V. (2014) Dinamika issledovaniy zhanrovogo vektora v sovremennoi lingvisticheskoi paradigme [Dynamics of Genre Vector Research in the Modern Linguistic Paradigm]*, *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh [Eurasian Union of Scientists]*, no. VIII, pp. 84–86. (in Russian)

Matveeva T. V. (1990) *Funktional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii. Sinkhronno-sopostavitel'nyi ocherk [Functional Styles in Terms of Text Categories. Synchronous-Comparative Essay]**. Sverdlovsk, Ural'skii Universitet Publ., 172 p. (in Russian)

Minsky M. (1979) *[A Framework for Representing Knowledge]**. Moscow, Ehnergiya Publ., 154 p. (in Russian)

Ogneva E. A. (2018) Kontsepsiya tekstovoi kognitivnoi attraktsii [The Concept of Textual Cognitive Attraction]*, *Lingvisticheskie gorizonty [Linguistic Horizons]**. Belgorod, Ehpitsentr Publ., issue VI, pp. 87–92. (in Russian)

Ogneva E. A. (2019) *Kontsepty-dominanty kak informativnye konstrukty tekstovykh mirov [Dominant Concepts as Informative Constructs of Text Worlds]**. Moscow, Ehditus Publ., 190 p. (in Russian)

Pastukhov A. G. (2014) Temy i sotsial'nye topiki v mediadiskurse [Topics and Social Topics in Media Discourse]*, *Kozhemyakin E. A., Polonskii A. V., Khodeev A. G. (eds.) Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya [Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of Theory, Social Practice and Education]**. Belgorod, Konstanta Publ., pp. 93–106. (in Russian)

Peshkova N. P. (2014) Problemy ponimaniya diskursa v psikholingvisticheskom i pragmalingvisticheskom aspektakh [Problems of Understanding Discourse in Psycholinguistic and Pragmalinguistic Aspects], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, no. 6 (335), issue 88, pp. 73–77. (in Russian)

Schank R. (1980) *[Conceptual Information Processing]*. Moscow, Ehnergiya Publ., 360 p. (in Russian)

Stiles W. (1981) Classification of Intersubjective Illocutionary Acts, *Language in Society*, vol. 10, pp. 227–249, doi: 10.1017/S0047404500008654 (in English)

Svyatogor I. P. (1967) *Tipy dialogicheskikh replik v sovremennom russkom yazyke [Types of Dialogic Remarks in Modern Russian]**, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 20 p. (in Russian)

Van Dijk T. A., Kintsch V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding a Connected Text]*, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in Foreign Linguistics]**. Issue XXIII. *Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive Aspects of Language]**. Moscow, Progress Publ., pp. 153–212. (in Russian)

Zheltukhina M. R. (2004) *Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke sredstv massovoi informatsii [The Specifics of the Speech Impact of Tropes in the Language of the Media]**, Dr. philol. sci. diss. Moscow, 723 p. (in Russian)

Zhinkin N. I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a Conductor of Information]**. Moscow, Nauka Publ., 159 p. (in Russian)

Zinov'eva E. S. (2016) Izuchenie diskursa v ramkakh medialingvistiki [The Study of Discourse Within Media Linguistics], *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik [Verhnevolzhski Philological Bulletin]*, no. 3, pp. 73–80. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.